

Гарри открыл глаза. Аппарирование ему не нравилось. Не так уж плохо, как порошок Флоу, но летать было бы куда приятнее. Единственное волшебное путешествие, в котором он действительно хотел бы участвовать, – это на его Огнеболте. Они со Штормхазером стояли в ночи, посреди безмолвной пустыни. Гарри знал, что они не приближаются к городу – небо было черным, усыпанным бесконечным множеством звезд, ни единого городского огонька не было видно. Воздух был свеж, пахнул чистотой. И холодно. Как будто лето уже ушло, а осень только-только ступила на порог.— Подождите немного, мы с Гарри найдем немного света, — раздался рядом голос Штормхазера. Гарри услышал, как Штормхазер отошел, поднялся по какой-то лестнице и отпер дверь. Вспыхнул фонарь, и Гарри увидел крупного мужчину в дверном проеме небольшого коттеджа.— Входите, Гарри, добро пожаловать в мой дом вдали от дома. Нам есть о чем поговорить, — сказал Чарльз. Гарри вошел в уютный коттедж, чистый и аккуратный. Похоже, что в нем было две спальни, расположенные рядом с основной гостиной. Чарльз разжигал огонь в камине, который уже был разложен для приготовления пищи. Как только огонь разгорелся, в комнате исчезла ночная прохлада. Гарри сел за кухонный стол и понял, как сильно он устал. Чарльз подошел и сел напротив него, за вычищенный стол. Он достал из холодильника два баттербира и предложил Гарри один.— Это займет некоторое время, но мы оба будем спать лучше, если будем знать. Гарри, я хочу рассказать тебе одну историю. Я знаю, что у тебя будут вопросы, но, пожалуйста, подожди как можно дольше, чтобы задать их, потому что мне будет тяжело. — Я должен рассказать тебе о себе. Я родился здесь, в Англии, в 1940 году. Мои родители были волшебниками, но когда я родился, у меня не было никаких признаков магии. Они считали меня сквибом, поэтому в Хогвартсе мое имя не произносили. Когда мне исполнилось 18 лет, я хотел поступить на военную службу, но мой отец был против. Он не хотел, чтобы я жил в мире маглов, а я хотел, потому что в магическом мире не так много места для сквибов. Не стоит и говорить, что мы оба наговорили такого, о чем я впоследствии пожалел. Я оставил семью, пошел на местную военно-морскую базу и поступил на службу. Это была американская база, но я все равно поступил. Я стал морским котиком. Через 25 лет я с гордостью вышел в отставку и открыл небольшой бизнес в Америке. Моя мать поддерживала со мной связь. Она очень переживала из-за того, что между мной и моим отцом произошла такая история. Я никогда не говорил ей, что на самом деле я не был котиком. Я знал, что она хотела бы, чтобы я вернулся в Англию и принял мир волшебников. Это было то, чего я никогда не смог бы сделать, живя в реальном мире. Единственный из моей семьи, кому я рассказал об этом, был мой младший брат. Он считал, что это потрясающе – знать то, чего не знают мама и папа. Типичный ребенок. Я помню тот день, когда моя магия расцвела, или, скорее, взорвалась. Как и большинство взрывов, это было довольно неожиданно. Я был на задании, когда мне было около двадцати лет, под шквальным огнем, без оружия, и весь мой отряд вот-вот должен был стать статистикой, о которой никто не хочет читать. Чтобы превратить этот бой в одну из хороших статистик, нужно было избавиться от перекрестного огня, который нас донимал. Я подумал, что неплохо было бы сейчас немного поколдовать, и, чтобы посмеяться, направил руку на одну из оружейных установок и сказал: "Редукто!". Представьте себе мое удивление, как эта чертова штука взорвалась. Позже я узнал, что некоторые волшебники поздно расцветают. — Мой друг Невилл Лонгботтом тоже был поздним цветком, — сказал Гарри. Штормхазер, кивнув головой, продолжил:— Не стоит и говорить, что мой приятель был почти так же удивлен, как и я, когда это случилось. Я сказал: "Должно быть, чертовы дураки уронили сигарету в патроны". Он ответил: "Нет, это ты взорвал их задницы. Чувак, почему ты не сказал мне, что ты маг?" Его звали Эдвард Штормхазер. Он был и остается магом, коренным американцем и моим лучшим другом. Мы служили вместе на протяжении многих лет. Он научил меня пользоваться магией, и я спас ему жизнь. Он тоже спасал мне жизнь. Много раз. Мы стали больше, чем братья. В отпуске я уехал с ним домой, на запад Северной Каролины, в Америку. Его семья усыновила меня и приняла в свое сердце. У Штормхазеров я научился магии, отличной от той, которую знала моя семья. Это была старая магия, древняя, более близкая к природе и, конечно, бескрылая. Дед Эда говорил, что никогда

не видел такого сильного мага, как я, который бы начал заниматься так поздно. Не знаю, как насчет этого, но я знаю, что я не так уж плох в этой магии. Он сказал, что я вернулся к древним традициям. Поэтому свиток в Хогвартсе не понял, что я там был. Когда мне было двадцать лет, у моих родителей родился еще один сын. Это был напряженный год для моей семьи, как вы думаете? Мама была удивлена, но довольна. Он с самого начала был сильным волшебником и, конечно, поступил в Хогвартс. Он стал старостой и в итоге женился на старосте своего курса. Мы с ним поддерживали связь с тех пор, как он научился писать. Мы отправляли письма через магловскую почту; он считал, что это довольно забавно. Я действительно приезжала в Англию не реже одного раза в год, обычно во время его летних каникул. У него и трех его лучших друзей была своя тайна, но в первое же лето после того, как это случилось, я уличил его в этом. Они были очень удивлены, что я догадался об этом, но им понравилось, что они могут рассказать об этом взрослому. Особенно тому, кого они считали крутым. Гарри внимательно слушал, не упуская ни слова. Его усталость исчезла. Он чувствовал себя воодушевленным, на пороге чего-то... грандиозного! Гарри не был глупым ребенком, и с его мозгом не было ничего плохого, когда он решил им воспользоваться. Внезапно его осенило. Почему Чарльз показался ему таким знакомым? Почему он с самого начала доверял ему? — Твоя фамилия не Штормхазер, а Поттер!!! — крикнул Гарри. — Ты мой дядя! Ты выглядишь так, как выглядел бы мой отец, будь он в твоём возрасте. Всё это имеет смысл. Ну, вроде того. Почему ты до сих пор не появился? Гарри посмотрел на него грустными глазами. — Гарри, когда твои мама и папа погибли, я был тем, кто их хоронил. Дамблдор заверил меня, что с Дурслями и с кровными подопечными тебе будет безопаснее. Я работал с военными, и у меня не было постоянного дома, куда я мог бы тебя забрать. — Если бы я только знал, что творится на самом деле, — прошептал Чарльз, — я бы вырвал вас оттуда, не моргнув глазом. Дамблдор бы и не успел понять, что его поразило. Я слепо верил ему, что он поступает правильно. Вся моя семья верила, что он поступает правильно. Но я ошибался. Он доверил неправильным людям заботу о тебе, полагая, что они справятся. В его возрасте и с его властью он привык, что все ему подчиняются, не задавая вопросов. Я поверил ему, когда он сказал, что тебе будет лучше не знать обо мне. Впрочем, мало кто из друзей Лили и Джеймса знал о моем существовании. Только Сириус Блэк знал, что я волшебник. Ремус Люпин, возможно, подозревал, но не был уверен, я так думаю. А Питер Петтигрю просто не знал. Мы с твоим дедушкой так и не помирились, поэтому меня не жаловали в их доме. Гордость — страшная вещь. Я бы отдал все, чтобы мы с отцом помирились. Тогда, может быть, я бы узнал Дамблдора лично, понял бы, что он не всемогущ. Я бы принял более правильное решение, когда убили твоих родителей. Я бы появился задолго до этого, если бы знал, что происходит у Дурслей. Мне жаль, что ты остался там. Ты можешь меня простить? В глазах Чарльза блеснули непролитые слезы, отражающие всю боль и горечь, что он испытал, наблюдая за жизнью Гарри, которую он не мог защитить.